

С ДУМОЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

Заметки о драматургии Игнатия Дворецкого

голадают. Здесь вы встретите и вчерашнего десятиклассника, сына отличного профессора, сбежавшего от привычного московского уюта на далекую сибирскую стройку, и какого-нибудь новоиспеченного «лорда Байрона», недавнего карманника и вора, сумевшего в дружном рабочем коллективе снова стать человеком. Реалистически точное, со знанием деталей изображение обстановки, самой атмосферы строительства, живой образ коллектива, — вот, пожалуй, самое примечательное в этой пьесе Дворецкого. Героизм здесь начисто лишен традиционно плакатных красок, он проявляется в повседневной, внешне очень будничной, такой, казалось бы, прозаически обычной работе. Не случайно один из героев пьесы говорит, что в сущности никакого героизма и нет, а есть просто бесконечное человеческое терпение. Но ведь и это и есть проявление подлинного героизма и мужества. Когда, скажем, Ваня Хабаров, рефлектирующий и резонерствующий юнец, сын известного профессора, остается один, брошенный недостойным товарищем в скованной зимним безмолвием тайге и, изнемогая от голода и усталости, в течение пяти суток не отходит от бетона, чтобы прогреть и спасти его, он, конечно же, совершает подвиг, вовсе сам и не подозревая об этом.

Интересно очерчены в пьесе характеры начальника строительства Чепракова, главного инженера Абросимова, дочери его Лены. Конфликт между Чепраковым и Абросимовым, выдвинутый автором на передний план, это, в сущности, столкновение двух жизненных философий, двух начал в жизни — творчески активного, по-настоящему революционного, смелого до дерзости и уравновешенно-созерцательного, бесплодно-инертного по природе своей. Абросимовы могут быть хорошими инженерами, отличными специалистами, великолепно знающими свое дело, они могут быть даже инициативными и смелыми, но только в рамках дозво-

ленного. О таких людях принято говорить, что пороха они не изобретут, а если ненароком и изобретут, то уж подожечь его они обязательно побоятся. В отличие от Абросимова, Чепраков и резок, и груб, и прямолинеен. Абросимову он кажется варваром. Но этого «варвара» любят рабочие, ему доверяют, за ним идут, ибо чувствуют в нем несокрушимую творческую силу, большую правду жизни. Тянется к нему, вопреки воле и желанию отца, вопреки собственной воле, и Лена. Переплет сложных взаимоотношений семьи Абросимовых и Чепракова позволяет драматургу показать в «Трассе» психологически очень интересный, эмоционально насыщенный конфликт.

Во «ВЗРЫВЕ» в отличие от «Трассы», где действие происходило на протяжении чуть ли не целого года, события необычайно уплотнены, они развертываются, подобно туго сжатой пружине, буквально в каких-нибудь два—три дня.

Поэтому «Взрыв» с его динамически стремительным нарастанием действия мне представляется наиболее сценичным и, может быть, более художественно законченным и совершенным из драматических произведений Дворецкого. Если в «Трассе» центр внимания был сосредоточен, в первую очередь, все же на самом строительстве, быте и условиях строителей, то «Взрыв» в большей мере обращен к раскрытию внутреннего мира персонажей. Условно говоря, это скорее психологическая, нежели «производственная» пьеса. Здесь с большей психологической глубиной выписаны характеры, полнее прослежены людские судьбы. Очень рельефно очерчен образ буфетчицы Катьки, разбитной легкомысленной бабенки, интересно намечена фигура Лехи. Но несомненно, самой большой удачей писателя следует признать создание образа Щеглюка, типичного характера, сформировавшегося в период культа личности Сталина. Драматург беспощадно обнажает существо этого внешне такого импозантного, так уверенного в своей непререкаемости и непогрешимости руководителя, на-

чальника строительного района в одном из отдаленных таежных участков, где-то между Леной и Ангарой. Как будто искренне радея об интересах государства, интересах народа и партии, Щеглюк на самом деле абсолютно равнодушен и безразличен к людям, к их судьбам. Он сломал и искалечил жизнь Лехи. Он, стоя на страже морали и нравственности, пакостит и блудит втихомолку и, как огня, боится разоблачения. Не задумываясь, Щеглюк может приказывать своим шоферам возить бетон по дороге, проходящей рядом с заминированной горой, в которую заложены многие сотни тонн взрывчатки. Щеглюк любит показуху. Посмотрите, какой бум поднимает он вокруг найденных костей мамонта и как жесток и беспощаден он к тем, кто встает ему на пути! Инженера-взрывника Клинкина он всеми правдами и неправдами хочет упрятать в тюрьму, грозит расправой, стремится, как говорится, пришить ему политическое дело лишь за то, что тот осмелился почувствовать себя не пигмеем, а человеком и по-своему решительно воспротивился преступному щеглюковскому приказу.

Изображая в своей пьесе драматически напряженную обстановку в ожидании мощного взрыва, рассказывая о том, как ведут себя в этот момент люди, писатель показывает, как одновременно назревает и взрыв во взаимоотношениях людей, как побеждает большая правда жизни, правда клинковых и чепраковых, правда Надежды Петровны, тоже обиженной и обманутой Щеглюком, просто человеческая правда и как с грохотом рушится щеглюковщина, как уходят «мамонты», образ которых вырастает в пьесе до символического обобщения, и побеждают люди. «Хватит с нас забот о мамонтах», — говорит один из героев «Взрыва» в заключительной сцене пьесы. И хотя Щеглюк под занавес кричит: «Я еще жив, Надежда Петровна! Я еще жив!», но это крик не силы, а бессильной злобы, отчаянная ярость поверженного «мамонта». Новое не-

одолимо, свежий ветер врывается во все закоулки и уголки нашей жизни, гонит из них щеглюковых, взрывает их некогда неприступные цитадели — таков финал «Взрыва», такое радостное чувство рождается у читателя и зрителя пьесы Дворецкого.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ стоят и в центре «Большого волнения», произведения, посвященного молодежи, взаимоотношениям молодых людей, их морали и нормам поведения, представлениям о жизни и счастье.

Пьесы Игн. Дворецкого, насыщенные раздумьями о нашем современнике, нашли дорогу к сердцам зрителей. Его «Трасса» получила большую прессу. О ней шла дискуссия на страницах «Театральной жизни», писала «Правда». «Трасса» ставилась на подмостках двадцати пяти театров страны. Она шла в Москве и Ленинграде, Воронеже и Иванове, Калинин и Петрозаводске.

«Взрыв» был поставлен в Москве, Ленинграде, Баку, Астрахани, Иркутске и Минске. Второй сезон идет на сценах Москвы и Ленинграда «Большое волнение». Эта пьеса прошла также в театрах Сызрани и Симферополя, да и во многих других городах.

Произведения Дворецкого ставятся и в переводах на языках народов СССР — белорусском, украинском, бурятском. Они шли в театрах Болгарии и Чехословакии, Венгрии и Германской Демократической Республики. Думается, что этот успех заслужен. Драматурга волнуют острые проблемы современности, и это волнение художника и человека, утверждающего средствами своего искусства высокие морально-этические принципы нашего гуманизма, понятно и дорого зрителям и нашей стране и зрителям стран социализма. Пьесы Игнатия Дворецкого — интересная страница в истории современной советской драматургии.

Василий ТРУШКИН.

Восточно-Сибирский фронт
Иркутск
9 ОКТ 1963